

Здесь необходимо пояснить, какое значение придавали обеду люди античности. Если к обоим завтракам житель Эллады или Рима относился без должного внимания, легко закусывая утром и перехватывая кое-что в середине дня, то обед для него значил нечто большее, чем просто прием пищи. Как-то одному римлянину пришлось отобедать в одиночестве. «Сегодня я поел, но не пообедал», – сказал он после. Эти слова многое проясняют. Обеденная трапеза для людей античности – это прежде всего совместное времяпрепровождение.

Собирались обычно то у одного, то у другого участника дружеской компании. Те граждане, которым было не по карману принимать у себя гостей и которые предпочитали обедать у более богатых знакомых, звались параситами (сотрапезниками). Разумеется, подобная привычка не могла снискать уважения ее обладателю. Постепенно слово «парасит» приобретает уничижительное значение и, утратив свое благородное написание, превращается в более знакомого нам «паразита».

Начинаясь около половины третьего дня, обед продолжался до позднего вечера, пока гости не расходились спать. Чем заполнялись долгие часы застолья, зависело от уровня культуры собравшихся. У хозяев попроще пирующие развлекались пением, разгадыванием загадок, на худой конец – игрой в кости. У людей с более высокими запросами на пиру исполнялись стихи, выступали музыканты и актеры. Если собирались люди с философским складом ума (как в нашем случае), то застолье и впрямь походило на современный научный симпозиум (это слово и происходит от греческого «пиршество»). Главной в нем была беседа на темы из самых разных областей человеческого знания, от литературных до естественнонаучных, а вовсе не яства, подаваемые к столу. *«Ведь воспоминания об удовольствии, полученном от еды и питья, заключают в себе нечто низменное, да к тому же и зыбки, подобно быстро улетающемуся запаху, а философские проблемы и рассуждения не только радуют самих вспоминающих, всегда оставаясь с ними, но и позволяют им приобщать к этим отрадным воспоминаниям также и тех, кто их слушает, – так писал сам Плутарх в предисловии к книге «Застольные беседы», объясняя причины, побудившие его взяться за этот труд. – Так теперь любознательным читателям столь же доступно участие в сократических¹ беседах, как и самим тем, кто вел их некогда за столом симпозиа».*

Итак, мы находимся у дома Аммония. Но что это? Кажется, где-то рядом выкрикнули: «Аммоний, Аммоний!» Немногочисленная группа собралась перед ступенями большого дома, шумя и выкрикивая имя его хозяина. Скопление граждан объясняется просто: Аммоний в этом году исполняет обязанности стратега (военачальника), и у них есть, похоже, какое-то дело к нему. Пока слуги пытаются утихомирить собравшихся и выяснить причину их появления, взбежим по ступе-

ням и нырнем в открытый дверной проем. Внезапно обступившая нас темнота после сияния солнечного дня могла бы совершенно сбить с толку, если бы впереди не виднелся конец коридора, светящийся дневным светом. Направляясь туда, попадаем в пря-

¹ Сократические беседы – по имени древнегреческого философа Сократа, славившегося своим искусством вести беседы.